

33
Николай Денисов

Пасторки

Взрослым и детям —
о братьях меньших

Стихотворения

*«Иной раз, послушав человека,
мне так хочется ласково
погладить собаку,
улыбнуться крокодилу,
почтительно снять
шляпу перед слоном»*
Максим Горький

А 33

Николай Денисов

ЛАСТОЧКИ

Взрослым и детям —
о братьях меньших

Стихотворения

214

95001-15

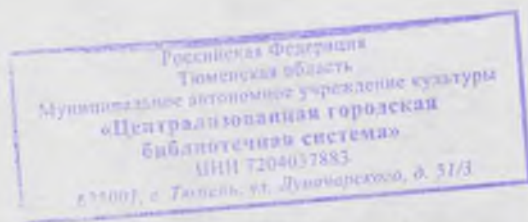
Шадринск
2010

И

Денисов Н.В.

Ласточки. Взрослым и детям – о братьях меньших. Стихотворения. – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2010.– 60 с.

В сборнике «Ласточки» автором собраны стихотворения, написанные им в разные годы. Это строки о разнообразном мире живой природы, преимущественно, как называл Сергей Есенин, о наших «братьях меньших».

УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА

Посвящается дочери Наташе

И гусь ущипнул. И коза
Боднула и глянула тупо.
Потом загремела гроза
Пестом о чугунную ступу.

Потом в поднебесном огне
Последнюю тучу спалило.
И кто-то на рыжем коне
Промчал, как нечистая сила.

И снова, далёко маня,
Просторно проглянули пожни.
И гусь не шипел на меня,
А мирно щипал подорожник.

И весело травка росла,
Умывшись водой дождевою.
И даже коза не трясла
Страшенной своей бороною.

1982

ЛАСТОЧКИ

Был он самым прекрасным на свете –
Старый дом наш на кромке села.
Вдоль забора – рыбацкие сети,
А в сенях – топоры и пила.
И в горошек – по горнице – шторы,
Образа, чтоб небес не гневить.
Вот и ласточки, в майскую пору,
Подселялись к нам гнездышко вить.
Над крылечком, над самою дверью,
Спозаранку брались за труды,
Может, знали о старом поверье,
Сберегали наш дом от беды.
И невзгоды его обходили!
И в июльскую пору, в тепло,
Ласточата над крышей вострили –
От полета к полету – крыло.
Щебетали, что радостно будет
Возвратиться к пенатам своим.
Понимали – в дому не убудет
Ни тепла, ни участия к ним.

1965

ОСЕННИЙ МОТИВ

Соберу я охотничью справу
И с зарею над нашим крыльцом
По шелкам августовской отавы*,
Я пойду побродить с ружьемом.

Мне не надо трофеев богатых,
Промысловой добычи лихой.
На рыбачьем становище хага
Встретит под вечер доброй ухой.

Будет выпь, беспокоя округу,
Наш озерный нахваливать рай,
То гусям, отлетающим к югу,
То казаркам из северных стай.

И в печурке, что жаром играя,
Огневого жар-птицы пера,
Будет много таинственных баек
Разгораться и греть до утра.

А на утро, как только разбудят,
Может быть, и расслышу – вдали,
Что же все-таки судят о людях,
Покидая наш край, журавли.

Бердюжский озерный край

1962

---

* Отава – свежая трава на месте недавней летней кошенины.

ЗА ОКНОМ

Холодное стекло,
Узорные фронтоны.
И горы облаков
В закате далеко.

Скворечник на столбе
С игрушечным балконом.
И тихо-тихо льют
Снежинки молоко.

Колом стоит мороз,
И дышит сено в стоге.
Наш домок утонул
В сугробе у плетня.

И крестики роня,
Скачет по дороге
Нахохленных сорок
Веселая семья.

1963

СЛУЧАЙ

Старый конь провалился под лёд,
Не бывал он в такой передряге.
Не поспей на подмогу народ,
Не вернуться бы с речки коняге.

А потом он дрожал у плетня.
– Хорошо бы под тёплую крышу! –
И под звонкие крики мальчишек
В крайний дом затолкали коня.

Сокрушаясь, хозяин нагрёб
Полведерка овса из сусека:
– Это видано ль, граждане, чтоб...
Чтоб скотину – в жильё человека!

Грустно старый коняга заржал,
Ржанию вьюги откликнулся тонко,
Может быть, он в тот миг вспоминал
Вольный луг и себя жеребёнком...

1974

ГЕРАНИ

Посвящается моим братьям

Несут как по воздуху сани!
Морозно. И кучер с кнутом.
В огнях неусыпных гераней
Сияет родительский дом.

Приедем, на печь завалюсь я:
– Кто сладко мурлыкает здесь?
Кот Васька проснется на бруске,
Наэлектризованный весь.

Как вкопана, встала упряжка.
– Э-гей! Распрягай рысака!..
И мама... И падает чашка...
Лет двадцать прошло? Иль века?

Опять нас встречают герани.
Но скольких не вижу огней...
Ах, сани, морозные сани,
Безжалостный топот коней!

1979

ВОРОНА

На ель уселась снова
От голода вздремнуть.
Нет дедушки Крылова,
Помог бы чем-нибудь.

На сумрачные кроны
То снег летит, то дождь.
Все косточки вороны
Пронизывает дрожь.

Втянула клюв. Кимарит.
Виденьям несть числа:
Гнездо в лесном пожаре
Сгорело. Не спасла.

Невзгодами помята,
Их столько предстоит!
О детках-воронятах
Еще душа болит...

Да что там! Жизнь воронья —
Сплошная маята.
Но каркнула спросонья
И, вроде бы, сыта!

1983

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Маленький дятел – лесной барабанщик,
Не уставая стучит день-деньской.
Как я жалею, что месяцем раньше
Не был с тобою в его мастерской.

Возле надломленной бурею ели
Ладно устроена жизнь муравья.
Может быть, завтра снега и метели
Вновь ополчатся на наши края.

Лишними станут фургон и телега,
Что-то уляжется, что-то замрёт,
Что-то до нового таянья снега,
Не огорчаясь, под зиму уйдет.

Может быть, заяц, петляя по тропам,
Переселяясь поближе к жилью,
И уточнит – за каким он сугробом
Видел поутру тропинку твою.

1974

ОТЦОВСКАЯ БОЛЬ

Отравили Тарзана. За что же?
Кто ответит? Молчит конура...
Мой отец, ни на что не похоже,
Горевал посредине двора.

Самокрутка дымила надсадно,
Боль, наверное, мало глуша.
Коровёнку порушили б, ладно,
Всё не так бы болела душа.

Не сутулил бы грузные плечи,
Отправляясь за сеном в пургу.
Да и летом бы рук не калечил
На сыром сенокосном лугу...

Отгорит еще сердце не скоро,
Не затопчешь, как спичку, в пыли.
Был он пёс – человеку опора,
Заповедник вдвоем стерегли...

Кто-то пел за селом безмятежно,
Полыхали герани в окне.
А отец на оглобле тележной
Горько думал о прожитом дне.

1977

ПЕТУХ

Огнекрыл он и смел, как Гагарин,
На побудку являя права,
Он поёт по утрам на амбаре,
Индивидуум, сорви голова!

Лишь проклонется луч из-за тучи,
Лишь роса окропит огород,
Коронованный гребнем могучим,
Вновь старательно Петя поёт.

Сколько силы, упорства, отваги,
Хоть на самый изысканный слух!
Нет, не выбросит белые флаги
Коллективному пенью петух.

Пусть не очень красна его слава,
Пусть недостаток солиста – не мёд,
Перед всей петушиной оравой
Не страшится, что голос сорвёт.

с. Окунёво

1975

МЕРТВЫЙ ХОД

Из детской дальней той печали
Мне ясно помнится одно:
Был жив еще товарищ Сталин
И было лозунгов полно.

Там где-то в гору шла Отчизна.
С призывом пламенным «Даёшь!»
А в нашем «Путь социализма» –
Колхозе скромном – был падёж.

К весне ни сена, ни обрата,
И холод лютый, как назло.
И пали первыми телята,
За ними овцы, и – пошло.

На мясо б, что ли, прикололи!
Нельзя... И к радости ворон,
Всю ночь возил подохших в поле,
Поклав на дровни, Филимон.

Хлебнув для удали портвейна,
Перед собой и властью чист,
С задачей справился партийный
Наш сельский, шустрый активист.

Отвез и ладно б, скрыл огрехи:
Зарыл в сугроб, похороня.
Но туши в дьявольской потехе
Воздвиг он во поле стоймя.

А поутру, с зарей, с восходом,
Мы враз узрели – боже мой:
Непостижимым мертвым ходом
Телята к ферме «шли», домой.

«Шел», тяжело вода боками,
В тупом движении своём,
Косматый, с гнутыми рогами,
Баран и ярочки при нём.

И как-то робко, виновато,
Всё тычась ярочкам в бока,
«Резвились» малые ягнята,
Глотая льдинки молока.

В последний раз метель кружила,
Верша сумёты на буграх.
А стадо будто вправду жило,
За ночь насытись в клеверах.

Так шло – копыто за копытом,
Шажок за медленным шажком:
За кои годы ходом сытым,
В молчанье хрупая снежком.

1989

У РЕКИ

Кличет и кличет телка
Женщина возле ракиты.
А у меня, рыбака,
Спит поплавок, как убитый.

– Где же бродишь, варнак! –
Всё еще кличет, хлопочет.
Шустрая речка Кармак
Острые камешки точит.

Да, усмехаюсь, беда!
Вслух говорю шаловливо:
– Здесь же не выгон... вода!
И поплавок заводило.

Бросила прутик в траву:
– Благодарю за науку...
Надо ж, крючок на плотву
Выловил, кажется, щуку!

Пос. Кармак
1982

ШЛА ЛОШАДЬ

Асфальт, налитый жаром,
Парил и тут и там.
Шла лошадь тротуаром,
Как ходят по делам.
Прохожие смотрели,
Как смотрят на коней.
И оводы гудели,
Летящие за ней.
Куда же ты, гнедая?
Отбилась от кого?
Юнцов косматых стая
Кричала: – Мирово!
Гражданочка с поклажей,
С глазами, как магнит,
Ворчала: – Да куда же
Милиция глядит?
А лошадь шла, щипала
Былинки на ходу
Да гривую мотала
В бензиновом чаду.
Шагай, смелей, гнедая,
Сквозь этот гул и звон
Туда, где луговая
Трава, а не газон,
Где табуны пасутся
И вольные стада...
Туда б и мне вернуться
Однажды навсегда.

г. Тюмень

1978

95001 7/5

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ СВЕРЧКИ

Турецкий ветер смоляной.
И ночь темней сукна шинельного.
Свистят сверчки над Корабельною,
Над самой грозной стороной.

Свистят в каштанах, в кронах тополей,
Так голоса напряжены,
Что все бульвары Севастополя
Небесной лирики полны.

Свистят над рубками, над рядами,
И над «полундрой» боевой,
Береговыми батареями,
Хранящим гул пороховой.

Свистите, милые, без устали,
Вершите славный ритуал,
Чтоб этот свист про удаль русскую
Любым врагам напоминал!

1971

НА СЕВЕРНОЙ СОСЪВЕ

Зашел на почту и поник,
С порога ж ясно: писем нету.
«Ты жди! – сказал потом кулик,
(Средь местных птах он свой мужик!) –
Бодришь, не мучай сигарету!»

Да что тут ждать?
С Большой Земли
Уж все оказии приспели.
Могли помочь бы журавли,
Теоретически б могли...
Но осень! К югу полетели.

И вновь кулик, заботник сей,
Он тут прошел огни и воды,
Сказал: «Терпи, мой друг, невзгоды!
И слез лирических не лей,
Пошли ей сотню на расходы!»

И заключил наш экипаж:
«Не майся! Дёрнем по рюмашке!
Она сама тоскует тяжко:
Сломала баба карандаш,
И нет чернил в непроливашке!..»

*Пос. Берёзово,
Теплоход «Пётр Шлеев»
1967*

СИНИЦА

И надо же так случиться:
На баке*, где норд свинцов,
Нашли мы гнездо синицы
И малых её птенцов.

Мы долго вздыхали: «Го-о-ре!»
Но вздохи – одна тщета!
И море в крутом напоре
Таранило льдом борта.

И в небе – лихое дело –
Холодный вскипал рассвет!
По курсу был остров Белый,
Там тоже приюта нет!

Пернатые так ослабли,
Пропали бы ни за грош.
Но шедший в Тюмень кораблик
Трубою вздохнул: «Ну что ж!..»

«Ну что ж!» – золотые звуки!
С надеждою хоть какой! –
Отдали мы птиц на руки
Такой же братве морской.

Дай Бог им к теплу пробиться,
Где солнце, прокорм, трава...
Что ж думала ты, синица,
Бедовая голова!

Карское море.
1975

---

* Бак – носовая часть главной палубы.

ВСТРЕЧА С МОРЖОМ

В море Лаптевых, как на беду,
В ледяную войдя мешанину,
Мы разбили на полном ходу
У моржа персональную льдину.

Просверкали у зверя зрачки:
Кто наделал, мол, лишнего шуму?
Полоснули по борту клыки
Так, что страхом наполнились трюмы.

Мы стояли на баке, дрожа,
На морозе не грели тельняшки.
За сердитой спиной моржа
Легких волн разбегались барашки.

Мы молчали. Молчал капитан.
Виновато стучали машины.
Лишь дорогу, где шел караван,
Бинтовали тяжелые льдины.

Море Лаптевых.

1976

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Не на шутку рассержен Борей*,
(Всеми мачтами палуба клонится!)
Он в высоких широтах морей
Не приучен ни с кем церемониться.

Вот уж мостик ушел из-под ног
И улыбка – с лица командирского.
И растерян кулик-плавунок –
Рыцарь моря Восточно-Сибирского.

Не вчера ль он обхаживал птах,
А теперь оправдаться надеется:
– У меня же птенцы на руках,
Уследишь ли, что на море деется!

Упредил бы ты, вольный баклан!
Все паришь наподобие ангела?
– У меня, – он кричит, – океан
От Таймыра – до острова Врангеля!

1976

---

*Борей (др. греч.) – бог северного ветра.

О ЛЬВАХ

Журналисту и поэту

Льву Соловьёву

Львы – очень двойственная штука,
Об этом знает весь народ:
Вот Троцкий Лев, конечно, сука,
Лев Соловьёв – наоборот!
В снегах Приобъя битый, гнутый,
Три дня как с танкером знаком,
Железный подволока каюты
Он именует «потолком».
Кают-компанию – «конторой»,
Горячий камбуз – «поварской».
Гость с нефтяного Самоглора,
Он потрошит наш быт морской:
«Нельзя в башке держать опилки,
И – сигарету в рукаве,
Нельзя за борт бросать бутылки:
А вдруг – киту по голове!
Нельзя кидать и стеклoбанки,
Тюленям травмами грозя,
В открытом море чистить танки, –
Беда всей фауне. Нельзя!»
Я понимаю Льва-собрата,
Но налицо – по фазе сдвиг:
Он про акул и злых касаток –
Ни слова!
Ступор. И тупик.

*Берингово море,
борт танкера «Самоглор».*
1978

БАКЛАН

Пока над строкой хлопочу
В зеленых зыбях океана,
Особо отметить хочу
Простого трудягу баклана.

И ночи и дни без конца,
Ни сна, ни досуга не зная.
От трудится в поте лица,
Креветок со дна добывая.

Когда колобродит циклон
И прячутся чайки пугливо,
Упорно работает он,
Нырря в глубины залива.

На тихой иль крепкой волне,
В далеких лагунах и шхерах, —
В делах!

И достаточно мне
Его трудового примера.

*Японское море,
залив Петра Великого.*

1984

ВСТРЕЧА

Сели ласточки на леера,
Притомились и рады опоре.
Сотни миль – ни стрехи, ни двора,
Только Южно-Китайское море.

И притих наш бывалый народ:
Пусть, мол, сил набирается стая.
Ведь на что уж силен пароход,
А дрожит, против волн выгребая.

И припомнились – детство, поля,
Наши ласточки в небе тревожном...
Вот где свиделись!

Это же я!

Неужели узнать невозможно!

Южно-Китайское море.

1984

БАНГКОК. КРОКОДИЛЬЯ ФЕРМА

Лежит себе – ни звука,
Матерый индивид.
За палкой из бамбука –
Хозяйскою – следит.

Раскрыта пасть, как печка, –
Недолго до греха, –
Но тих, он, как овечка;
И публика тиха.

В вольер бросают баты,*
Так здесь заведено.
Приучен аллигатор,
Спокоен как бревно.

Недвижен как колода.
Темна его душа.
Унижена природа
Засильем барыша.

Но все ж томит и гложет
Какой-то неуют:
«Однажды снимут кожу
И сумочек нашьют».

Звенят, звенят монеты,
Щетинятся клыки.
Кружит, кружит планета –
Трагичнее ветки.

---

*Баты – тайландские деньги.

Ко всем чертям по кругу
Летим – до одного.
Рептилию, зверюгу,
Жалеть? Не до того.

Но, помня час обеда,
Он тешит аппетит
И вот живой торпедой
За порцией летит.

Мясо с душком и гнилью
Глощает крокодил.
И слезы крокодильи
Роняет в желтый ил.

Таиланд.

1987

ДЕЛЬФИНЫ

Справа по курсу встречают дельфины –
Диво, кого не спреси!
Как субмарины, пронзают глубины,
Как бригантины – вблизи.

Остерегают и нас от ошибок,
От неувязки какой.
Походя гонят летающих рыбок,
Чтоб не толклись под рукой.

Южная даль – штормовые широты,
Царство тропических див!
Крепко запомнит дельфинью работу
Тесный Малакский пролив...

Справа – по курсу!
Ну, честное слово,
Зря, океан, не шторми...
Если б вот так же без умысла злого
Всё было между людьми.

Малакский пролив
1984

ОХОТА НА ТУНЦА

Собратья поэты в привычном кругу –
Столичном –

беседуют с музыкой...

А я, наточив на тунца острогу,
Вишу над бортом сухогруза.

Вот что-то плеснуло во мгле, наконец:

Я замер с воздетой рукою.

Ну что же ты медлишь,

Бенгальский тунец,

Давай,

подходи –

на жаркое!

Тунец – не дурак рисковать головой:

Прицельность, стремительность, либо...

Вот мощно пошел он за рыбой-иглой,

Мгновенье и – кончено с рыбой!

И в то же мгновенье летит острога, –

Картина, достойная снимка! –

Неважно, что мимо,

Цена дорога:

Прекрасен восторг поединка!

Красиво индийская светит луна –

К исходу разбойного часа.

И теплая ластится к борту волна –

На меридиане Мадраса.

Как жаль, что удача

Вильнула хвостом, –

Тунец удивительно ловок;
Зато я охочусь под Южным Крестом, —
Свободный от литгруппировок.

Зато уж потом сочиню я хитро,
Что поднял на палубу чудо:
Вот этакий хвост!
Голова, как ведро,
И общего веса — два пуда!

Бенгальский залив.

1884

О СВЯЩЕННОЙ КОРОВЕ

И я к ней – бочком и сторонкой,
И дело моё сторона:
Будь Зорькой она иль Бурёнкой,
Неприкосновенна она!
Но вот же, напротив церквушки,
Годков по двенадцать мальцы
Сидят под коровою с кружкой
И тянут святые сосцы.
Видать, притомились от зноя,
А жажда в жару горяча.
И брызжет родное, парное,
О доньшко кружки стуча.
Стоит коровёнка чужая,
Мальчишек задаром поит.
Машины её объезжают,
Повозки обходят. Стоит!
Одна посреди перекрестка.
Худая, как баба яга.
Наряжены в чудные блёстки
Её костяные рога.
В таком экзотическом виде
Торжественно бродит потом.
И словом никто не обидит,
Не то что пастушьим кнутом.
Весь город ей – выпас, жилище,
Где хочет, ночует, живет.
Арбузную корку отыщет
И смачно и свято жуёт.

Индия, г. Мадрас.

1984

ПОПУГАЙ

Что за тварь,
Оборвал бы язык!
По-английски кричит
И по-русски.
Попугайничать – грех не велик,
Но зачем же мешать
При погрузке?
Моряков отрывает от дел.
До команд капитанских
Добрался.
Лучше б век в своих джунглях
Сидел,
Воспитаньем птенцов занимался!
Вира! Майна! –
В Бомбейском порту.
«Вирра! Вирра!» –
Он вторит, как эхо,
Как горошек катая во рту,
На борту толчая и потеха.
Ночью грянуло:
«Срочно! На бак!»
Встрепенулись,
Не чуя обмана.
Прибежали – там попка-дурак:
«Как спалось, – говорит, –
Мореманы?!»

1984

ЕЩЁ ПРО КОРОВУ

Посвящается дочери Ирине

Священная – да. А по части навоза?
Не видел. Одна подкопытная пыль.
Конечно, жестка постановка вопроса,
Но это ж корова, не автомобиль.

Загон переулка, асфальта подстилка,
На впалых боках – голодовки печать,
Окрестную травку побила кобылка*,
Одно остается корове – мычать.

Смотрю я и мучаюсь горькой, подспудной,
Далекого детства бедой-лебедой:
Эх, эту б корову в лужок изумрудный –
Пасись и нагуливай добрый удой!

Под вечер пришла бы корова до хаты,
И, кроме удоя, с собой принесла
Две пары копыт и большие ухваты
Священных рогов, к изумленью села.

С коровой и в жизни была б перемена:
Звенел бы литовкой на знойном лужке,
Зимой бы носил ей навильники сена,
Похожий на Будду в своём кожушке.

г. Бомбей.
2001

---

*Кобылка – саранча.

ИНДИЙСКИЕ ВОРОНЫ

Вот слетелись и нате орать!
Что поделать, смиряюсь бесславно:
Даже взглядом нельзя их пугать,
А уж действием грубым подавно.

Потому и спокойный в словах,
Хлопочу над дилеммою новой:
И выходит, что в равных правах
Эти твари с бомбейской коровой.

Карр! Да карр! Оглушили почти,
Допекли безнаказанным игом.
Поднял камень, —
О, Будда, прости! —
Улетели горластые мигом.

1984

БРОДЯЧИЙ ПЁС

Мы с ним глазами встретились на миг.

Он посмотрел и замер оробело.

– Как поживаешь в Индии, старик?

И пес пролаял:

– Вам какое дело?

Ах, черт возьми,

Гордыни – будь здоров!

Но, право, грех голодному гордиться.

– Пойдем, старик, до наших поваров...

И мы пошли вдвоём по загранице.

Потом лежал на жарком пирсе он

И кости грыз, что с камбуза кидали.

И отгонял рычанием ворон,

Когда они уж очень досаждали.

Проснусь поутру, лает:

– Как дела?

Мосол подкину, взглядом приласкаю.

Сдружились мы, но грустною была

Дальнейшая история морская.

Еще неделя, две – и я уплыл,

И в этот порт

Уж больше не вернулся.

Бродячий пёс...

Ах, как он вслед скулил

О том, что снова в людях обманулся.

г. Бомбей.

1985

В НОЧНОМ ОКЕАНЕ

*Если бы было немного побольше тишины.
Если бы мы были немного потише, тогда мы
бы могли больше понять себя.*

Феллини

Проснешься и глянешь в чернильную тьму
Ночной океанской пучины.
И ноги ведут покурить на корму,
Обычно без всякой причины.

Корму то взметнёт, то опустит.
Невмочь!
Планктон возле борта искрится.
И сладостным духом пропитана ночь, —
В Бомбее грузились корицей.

И там же цикады – шумливый народ! —
Подсели. А сколько апломба!
Три звездочки в небе – летит самолёт.
Наверно, летит на Коломбо?!

Индийский океан.
1984

АКУЛЫ

У Кабо-Верде было. Дуло,
Тяжелый морок волоча.
И, как назло, сошлись акулы,
Зубами голодно стуча.

Кружили стаями над бездной,
Пророча гибель кораблю.
И я – попался прут железный! –
Кричал им: наглость не терплю!

Вы зря, кричал, меня следите,
Напрасно вяжетесь ко мне,
Плывите, дома посидите –
В своей разбойной глубине!..

У побережья Африки.

1988

В ПОРТУ МАДРИН

Ну ладно б, лошадь иль корову,
Иль, скажем, стадо антилоп,
А тут встречаю льва морского,
Столкнулись, господи, лоб в лоб.

На эту, бог ты мой, скотину
Дивлюсь я: экая гора!
А лев потёр о кнехты спину,
Устало рыкнул: спать пора!

И лёг на кромочке причала,
Мол, неча попусту будить,
Ему вставать на зорьке алой,
Семейство львиное кормить.

Я ретируюсь виновато
Поближе к трапу корабля.
Лежат на утлых кранцах лвята,
Во сне усами шевеля.

Сомкнули львиные объятя,
Как на лужайке, на траве.
И я свидетель: меньших братьев
Никто не бьёт по голове.

Аргентина.
1988

В ИНОСТРАННОМ ХЛЕВУ

Нудный дождик с ночи мочит,
Робкий вылизал снежок.
Но кричит задорно кочет –
Местный Петя-петушок.

Он и здесь поёт, ликует,
Хорошо ведет канву.
И, как слышно, не тоскует
В иностранном во хлеву.

Я гляжу: как будто в кадре
Аргентинская зима,
Городок Пуэрто-Мадрин –
Церковь, кладбище, дома.

В дополнение картины,
Вдоль прибрежной полосы,
Важно шествуют пингвины,
Держат по ветру носы.

Сядут чинно, лапы греют,
На залив глаза кося,
Словно тайною владеют,
Что рассказывать нельзя.

Порт Мадрин.

1988

НАШИ

Повидав и моря и страны,
Экзотичные города,
На тропических тараканов
Мы дивились: вот это да!

Крутолобы, грузны, как танки.
Но стремительны, как такси.
(Это было в порту Келанге,
Далеко от широт Руси).

Как радаром, усами шарят.
А сойдутся – в глазах темно.
Впрочем, было подобных тварей
И на судне у нас полно.

Сколько с ними в борьбе жестокой
Резолюций извел местком!
Как снялись из Владивостока,
Так травили их порошком.

Вроде б, сдохли... И снова – диво:
Расплодились – числа не счесть...
Тут парнишка один сметливый
И отважился: «Выход есть!»

И, сойдя на причал Келанга,
Расхрабрился совсем матрос,
Наловил этих тварей в банку
И под вечер на борт принес.

«Пусть сразятся – на силу сила,
Эка мощь пропадает зря!

Нашим точно – каюк, могила,
Или с вышками лагеря!»

«Дело верное, смело, мудро!» –
Рассуждаем и мы, бася.
А потом наступило утро,
И картина предстала вся.

Смотрим, битва уже в финале,
Тараканы кишмя кишат!
Только наши не пострадали,
А тропические лежат...

Сколько было речей тут жарких,
Помполит поддержал одну:
«Очень стойко мы держим марку,
Не подводим свою страну!»

1986

МОРЯЦКАЯ СКАЗКА

Жил был штурман один,
он читал романтические книжки,
Он ходил по морям и стихи сочинял для жены:
Мол, к весне буду дома, скучаю, люблю.

А сынишке
Попугая мечтал привезти из далекой страны.

Месяц к месяцу, ждут ли красивые
флотские жёнки?
Им положено ждать, компенсация будет потом –
Чемоданами шмоток. Но штурман
читал всё книжонки,
Он о шмотках не думал.
А это тревожный симптом.

Как-то бросили якорь в стране,
где жара и лианы,
Где купить попугая слабо за валюту –
в момент,
Хоть у братьев по классу, что чаще стучат
в барабаны,
Чем трудиться желают.
Но строгим был их президент.

Президент приказал: «Из страны –
ни зверушки, ни птицы!
Контрабандный товар! Накажу и не дрогнет рука!»
И советский генсек, укрепляя стальные границы,
Параллельно придумал такое ж решение ЦК.

Словом, штурман-романтик зажат был
в суровые узы,

Но решился товарищ, ведь сыну он, знамо, не враг:
И потом на таможене родного до боли Союза
Спрятал птицу за пазуху: только, мол,
вякни, дурак!

И пока потрошили его чемоданишко тощий,
Говорящая птица, – конечно, не ведая зла, –
Острым клювом трудилась на теле
с угрюмою мощью.
Штурман вынес и это. Бывали покруче дела!

Вышел бледный, шатаясь, он в зиму.
Домой он вернулся.
Ну а дома записка: «Устала одна куковать...»
Взял за голову птицу он и широко размахнулся,
А потом передумал, живой отпустил умирать.
Сколько видел еще он и звезд заграничных,
а лун-то!

Много разных событий стряслось
на пути холостом:
Президента сгубила какая-то черная хунта,
А советский генсек сам от старости умер потом.

1990

ОДНАЖДЫ

Ты, царь – живи один!

А.С. Пушкин

И вот после тьмы ножевой
Стерильной тропической ночи
Приметил радар судовой
Пустынный такой островочек.

Клубятся над ним облака,
Прибойная мечется пена.
Но вглубь островка – ни дымка,
Ни стойбища аборигена.

Как будто немое кино,
Фантастики будто страницы.
Такого ведь быть не должно,
Должны быть хоть звери и птицы.

Должны быть и камни могил
В тени иль под зноем палящим,
Ну хоть бы один крокодил,
Какой-нибудь слон завалиющий!

Безжизнен и тих островок,
Крупинка планеты, не боле.
Всеобщий трагический рок
Пометил его биополе.

Молчит горизонт-окоём.
И мы толчее белопенной,
Пока есть возможность, идём
Теперь уж одни во вселенной.

Борт сухогруза «Николай Семашко».

1984

НО ПАСАРАН!*

В отеле солнечной Гаваны,
Где нынче сервис – не фонтан,
Весь в хаки, вылез из-под ванны
Голодный местный таракан.

«Что, камарадо, дело плохо?
Опять в идеях наших брешь! –
Вздохнул я. – Скверная эпоха! –
И крошку хлеба бросил. – Ешь!»

И следом новую добавил,
И по-немецки гаркнул: «Шнель!»
Собрал он пищу, ус поправил
И тотчас юркнул за панель.

И там, насытись мило-любо,
В теснинах труб и теплых ванн,
Ответил зычно: «Вива – Куба!
И вообще – но пасаран!»

1994

---

*Но пасаран (исп.) – они не пройдут!

С ПТИЧЬЕЙ ВЫСОТЫ

Где-то переночевали
Сизари. И тут как тут!
Всё, что дал им, поклевали,
Зоб набили. И – «зер гут»!

Тут же ворон, клюв наждачный,
Поторчал. Но поздно, брат!
Полетел в закут чердачный –
Презирать электорат.

С высоты – конкретный вид:
Вот ботаник, вот бандит!
У последнего в печенках
С «калашом» душман сидит.

Со вчера, горя и шая,
В мятых взорах – боль и крик,
Алкаши вопрос решают,
Как залить за воротник.

Мрачный мент «мочалку» мочит,
Безнаказанно и – в кровь.
Девка ж – страсть! – отдаться хочет
За «лимон» – и вся любовь!

Безупречный меж людей –
Серый живчик воробей!
Воробья смириться с гадством
Не принудишь, хоть убей!

1998, 2010

В КОНЦЕ ВЕКА

За годы и жизнь примелькалась,
Остыл камелек бытия.
В дому никого не осталось,
Лишь кошка да, стало быть, я.

От войн, от политики стрессы.
То правых, то левых шерстят.
У деток свои интересы.
Хоть, ладно порой навестят.

Всплывают забытые лица,
Пирушки, былой тарарам...
И кошка походкой царицы
Гуляет по пыльным коврам.

Замечу: «Не стыдно ли, Машка?»
Но я ей плохой командир.
Наестся, умое мордашку
И зелено смотрит на мир.

Никто ей худого не скажет,
На стылый балкон не шугнёт.
Под лампой настольною ляжет,
Под стуки машинки заснет.

И что нам «фонарь» и «аптека»,
«Ночь», «улица» – жизни венец?
Руины ушедшего века
Не так и страшны, наконец.

г. Тюмень.
1999

ЖУРАВЛИ

Ах, грустно! Ах, улетели журавли, барин!

И.А. Бунин

Журавли улетели... Ах, барин, они улетели!
Ах, Иван Алексеич... Какая пора на дворе?
То ль покойники с косами встали и вновь околели.
То ли белые с красными рубятся в кровь на заре?
И заря умерла... Только Маркса усмешка густая –
Над планетой, над Русью, как банный, как фиговый лист.
Журавли улетели. Небесная чаша пустая.
Самолеты не в счет, ненавижу их дьявольский свист.
Бабье лето еще... Паутина летит из Парижа –
Невесома, как всюду, плывет с Елисейских полей:
Поэтический троп иль живая деталь для престижа?
Это подан мне знак: проводили и там журавлей!
Так бывало и раньше. Но так вот угрюмо и люто
Не болела душа, не мрачнели стога на лугу.
Силы зла торжествуют, вселенская тешится смута.
- Журавли... Слышишь, барин?

Я плачу, прости, не могу...

1990

АРКТИКА

В торосах гул. И в небе буря спеет.
По курсу – поле пакового льда.
Иль воскрешен последний день Помпеи,
Иль эпизоды Страшного Суда!

Без ледоколов мощных – дел не сварить,
Попытки-пытки гибнут на корню.
Возник Нептун. Но быстро сдал товарищ,
Трезубец в гневе кинул в полынью.

Бредет медведь: «Браток, далеко ль суша?»
Матерый зверь, а вон как одичал!
Потом трусит медведица: «Послушай,
Ты моего тут блудня не встречал?..»

Мираж вдали – стога, деревни, сёла,
Ветряк с крылами, рощицы колок.
Но больше всех запомнился весёлый
На чистой льдине райский уголок:

Моржи дремали, как на сеновале,
И нерпы развлекались, как могли!
Осталась строчка в вахтенном журнале:
«... ноль-ноль минут, близ Северной Земли!»

Карское море.

2001

ВОЛК

Серый волк свернул с дороги,
Скрылся в снежной кутерьме.
Уношу скорее ноги:
Что у зверя на уме?

Нападет, ему недолго,
Обстановка – благодать:
«Так и так, не любишь волка?
Потрудись ответ держать!

Хоть за то, что ты когда-то,
Зайца вынув из петли,
Спас косоного, а волчата
Спать голодными легли!

Хоть за тот загон овечий,
Где в сырой разлив зари,
Ты достал меня картечью,
Вот отметины, смотри!

Нет и так житья на свете!
Но придуман злей почин:
По овчарням нынче – ветер,
Да загробный дух овчин.

По овинам галки скачут,
То ж впустую: скок да скок.
Так что я тобой, ходячим,
И займусь, хоть шерсти клок!

Ах, потешу волчье брюхо,
Ах, хоть раз наемся власть!...»

Вот такая, блин, проруха
Ни с чего в пути стряслась!

Даль родная. Степь. Березы
В куржаке и в полный рост.
Млечный Путь светил белёсо,
Как дорога на погост.

И с чего, не знаю, каясь,
Будто в чем-то виноват,
Шел я, зябко озираясь,
Весь свой путь – до крайних хат.

с. Окунёво.
1982, 2010

СОЦИАЛКА

...И сосед мой про живность жалейку завел,
Показатель упал, мол, до смертной отметки:
Две коровы в округе, пять ярок, козёл,
Поголовье котов еще дикой расцветки.

Да, покуда я классикой душу лечу
И земная – при чтенье – юдоль не колышет,
Иль там что-то отважно в тетрадке строчу,
Они шкуру друг дружке сдирают на крыше.

В одиночестве волчий всегда аппетит,
Подкреплюсь, неохотно помою посуду.
О каких-то реформах транзистор бухтит –
Социалка теперь превалирует всюду.

Правда, сам я хозяйство вести не сдурел.
Вон решился и сник новорусский холера...
Ублажились коты. И закат забурел.
И в семь сорок зажглась над поселком Венера.

пос. Кармак.

2000

УВЕЛИ КОНЕЙ

Увели коней, беспредел в миру,
Распоясался злой шайтан.
Не нажил палат, тяжело фермеру,
Хоть беги назад в Казахстан.
Там родной аул, там зари тюльпан,
Тихоструйный дым кизяка.
На коврах сидит свой кайсацкий хан,
Бывший пламенный член ЦК.
И пошел на тракт, и прищурил взгляд:
Катерининбург – далеко,
По обочинам жар-мангалы в ряд,
Шашлыки дымят. Эх, Гнедко!
Эх, Игренька-друг, молодой скакун,
Губы сахарны, гладок круп...
Вот кафе «Абрек», о гранит-валун
Точит-холит нож душегуб.
Ой, шайтанский стан, кровавой шесток!
Не видать, не знать бы вовек.
Вышел главный сам, взор колюч, жесток:
«Нэ хады сюда, чаловек!»
И побрел степняк, восставать не стал,
Говорил с женой: то да сё...
Объявление дал, от руки писал:
«Продается дом...» Вот и всё.

2000

МАЛ, А ТАКАЯ ОТВАГА!

Дятел долбит за окошком,
Что там нашел, не пойму?
Долгой, упорной долбежкой
Всех растревожил в дому.

Думаю, Господи Боже, —
Смута, реформы, мороз...
Вот надолбился. Похоже,
В лес инструменты понёс.

Мал, а такая отвага, —
Клюв, оперение, стать!
Малость соснет бедолага
В тесном дупле и опять,

Глянь, уж долбит на болоте!
И никому не к лицу
Плохо судить о работе,
Что по плечу молодцу.

1998

С ВОСХОДОМ, С ЗАРЁЙ...

Из поэмы «Граница»

С восходом, с зарей заалела и кровля амбара.
Как прежде, на пристань иду меж картофельных гряд.
Внезапной подлодкой всплывает на Долгом гагара.
Гусыня соседская гагает на гусенят.

Порыв ветровой. Заходил дуrolом камышиный.
Напугано вскрикнул мартын над рыбацким садком.
Незрелый народ пролетел в иностранной машине
Меж Долгим – Головкой. И вот уж пылят большаком.

«На грязи», конечно. Теперь толчая на Солёном.
Чуть что, наезжают. И по боку всех докторов.
Живи бы отец, он бы выплыл на лодке смолёной
Да вместе с Тарзаном. И тот бы глотал комаров.

Кот Васька бы ждал на мостках в эйфории голодной,
Как выберут сети, меж дел посудив обо всём,
Чтоб после прошествовать узкой тропой огородной:
Тарзан и отец, и кот Васька в зубах с карасём!

И я после смены сиял бы в разводах мазута,
Скворчала б жарёха, дымилась с укропом уха.
А мама и с Зорькой сумела б управиться круто,
Пока за калиткой не выстрелит кнут пастуха.

Потом уж и спать, занавесив простор законный,
Где мать и отец сенокосят в медах визилей.
И в снах-полуснах над виденьями «Тихого Дона»,
И после мечтать о желанной Аксинье своей.

Пустое теперь уж... Сложнее забыться и выпить,
Поплакаться небу – обложен позором границ...
Осталось на Долгом под долгое уханье выпи
Смотреть на домашних, давно не летающих птиц.

Но хоть бы разочек, процесс, как всегда, «переходный»,
Увидеть далеких, взгрустнуть о заветном своем,
Как шествуют дружно – гуськом по тропе огородной:
Отец и Тарзан. И кот Васька в зубах с карасем...

2003–2004 гг.

Содержание

Улица моего детства	3
Ласточки.....	4
Осенний мотив	5
За окном	6
Случай.....	7
Герани.....	8
Ворона.....	9
В осеннем лесу	11
Отцовская боль.....	12
Петух	13
Мертвый ход.....	14
У реки.....	16
Шла лошадь	17
Севастопольские сверчки.....	18
На северной Сосьве	19
Синица.....	20
Встреча с моржом	21
Северный ветер	22
О львах	23
Баклан.....	24
Встреча.....	25
Бангкок. Крокодиля ферма	26
Дельфины.....	28
Охота на тунца.....	29
О священной корове.....	31
Попугай.....	32
Ещё про корову.....	33
Индийские вороны.....	34
Бродячий пёс	35
В ночном океане	36
Акулы	37
В порту Мадрин	38
В иностранном хлеву	39
Наши.....	40
Моряцкая сказка.....	42
Однажды	44
Но пасаран!.....	45
С птичьей высоты	46

В конце века.....	47
Журавли	48
Арктика	49
Волк	50
Социалка	52
Увели коней.....	54
Мал, а такая отвага!	55
С восходом, с зарёй.....	56

50 руб — коп

Библиотека газеты
«Тюмень литературная»

Денисов Николай Васильевич

ЛАСТОЧКИ

Взрослым и детям —
о братьях меньших

Стихотворения

По редакцией автора
Компьютерная верстка Куричиной К. А.
Корректор Бумагина В. П

ISBN 978-5-7142-1191-1

Сдано в набор 14.04.2010 г. Подписано в печать 26.04.2010 г. Формат 60x84^{1/16}.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,49. Уч-изд. л.
4,2. Тираж 300 экз. Заказ № 603.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870, Курганская обл.,
г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и сред-
ствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака,
6, тел. 6-33-51.

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ – коренной сибиряк. Родился и вырос в селе Окунево Бердюжского района Тюменской области. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийских и областных литературных премий. Член Союза писателей СССР и России с 1975 года. Живет и работает в Тюмени.